

Роберт Бернс

Тэм О'Шэнтер

Роберт Бернс Тэм О'Шэнтер

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18559233*

Тэм О'Шэнтер:

Аннотация

«Купцовъ давно ужь нѣтъ и слѣду,
Давно зашелъ сосѣдь къ сосѣду,
Народъ къ заставѣ потянуль -
И стихъ базара шумъ и гуль...
И вотъ, довольны и счастливы,
Усѣлись мы за кружкой пива,
Забывъ длину шотландскихъ миль,
Ручьи, и мохъ болотъ, и пыль
Дорогъ, что насъ домой ведутъ,
Гдѣ жоны насъ давно, чай, ждуть,
Гдѣ гнѣвно блещутъ ихъ глаза,
На лбу собирается гроза...»

Содержание

Тэмъ О'Шентеръ¹

Разсказъ Роберта Борнса.

«Современникъ», № 3, 1861

Купцовъ давно ужь нѣтъ и слѣду,
Давно зашелъ сосѣдъ къ сосѣду,
Народъ къ заставѣ потянулъ –
И стихъ базара шумъ и гуль...
И вотъ, довольны и счастливы,
Усѣлись мы за кружкой пива,
Забывъ длину шотландскихъ миль,
Ручьи, и мохъ болотъ, и пыль
Дорогъ, что насъ домой ведутъ,
Гдѣ жоны насъ давно, чай, ждутъ,
Гдѣ гнѣвно блещутъ ихъ глаза,
На лбу собирается гроза...

Тэмъ служить намъ живымъ примѣромъ,
Что нужно днемъ прощаться съ Эрромъ.
(Старинный Эръ нашъ всѣмъ извѣстенъ:
«Эръ, гдѣ народъ красивъ и честенъ».)

Ты, Тэмъ, глупѣе всѣхъ на свѣтѣ:
Ты пренебрегъ совѣтомъ Кэтти!
Не говорила ли она,
Что ты – пивной котель безъ два,

Что ты – негодникъ, пустомеля,
Пьянь вплоть отъ мая до апрѣля!
Везешь ли къ мельнику зерно,
Пропьешь и куль съ нимъ за-одно!
Пойдешь ли въ кузню за подковой,
Отъ кузнеца придешь съ обновой,
И даже (просто грѣхъ и срамъ!)
Пойдешь въ субботу въ Божій храмъ –
Съ дьячкомъ напьешься накануне
Святаго дня... Утонешь въ Дунѣ²),
Иль, будутъ ночки потемнѣй,
Утащитъ вѣдьма въ Элловой³).

Мисстрись! мнѣ кажется, что право
Всѣ жоны судятъ очень здраво,
И что ума въ томъ капли нѣтъ,
Кто презираетъ ихъ совѣтъ!

Однако къ дѣлу: въ эту ночь
Нашъ Тэмъ конечно былъ не прочь,
Продавши выгодно скотину;
Подсѣсть къ веселому камину,
Гдѣ старый другъ нашъ Джонъ Соутерь

² Doon, рѣка.

³ Элловой (Kirk Alloway) – старая церковь въ окрестностяхъ Эра. Несмотря на то, что долгое время зданіе это стояло безъ крыши, внутри его прекрасно сохранилась деревянная рѣзьба, которую туристы разбираютъ по кусочкамъ на табакерки и прочія вещицы, въ память мѣсть, прославленныхъ Борнсомъ въ предлагаемомъ нами рассказѣ.

Давно ужъ пѣнилъ добрый портеръ.
А Тэма Джонъ любилъ, какъ братъ,
И всякій день съ нимъ пить былъ радъ.
Темненько стало; до двора
Оно давно бы ужъ пора, —
Да эль такъ хмѣлень становился,
Что Тэмъ въ хозяйку вдругъ влюбился...
А Джонъ молоть имъ разный вздоръ
И хохоталь, какъ цѣлый хоръ.
Вотъ дождь пошелъ, гроза бушуетъ;
А Тэмъ и въ усь себѣ не дуетъ.

Забота съ зависти взбѣсилась,
И въ кружкѣ съ элемъ утопилась.
Но какъ пчела съ липъ носить медь,
Такъ время радость унесетъ!
Какъ царь, нашъ Шэнтеръ счастливъ былъ,
Что злое горе побѣдилъ!..

Но радость — макъ: цвѣтеть — блеснить;
Сорвешь — и вѣнчикъ облетить;
Падеть ли снѣгъ на зыбъ пруда —
Блеснетъ — и таетъ навсегда;
Такъ въ небѣ гаснуть метеоры,
На мигъ прельщая наши взоры;
Такъ неба ясную лазурь
Мрачить дыханье зимнихъ бурь. —
Но время мчится. — Между тѣмъ,
Пока домой собирался Тэмъ,

Пробило полночь... Въ этотъ часъ,
Когда послѣдній свѣтъ погасъ –
Не дай Господь когда-нибудь
Намъ, грѣшникамъ, пускаться въ путь!

А вѣтеръ свищетъ, воеетъ, стонетъ
И облака по небу гонить.
Такъ ярко молнія блеститъ.
Протяжно, гулко громъ гремитъ.
Дитя – и тотъ бы догадался,
Что вѣрно дьяволъ разыгрался.

Тэмъ осѣдлалъ кривую Мэгъ,
(На ней онъ ѣздилъ весь свои вѣкъ),
И, несмотря на мракъ и грязь,
Пустился въ путь благословясь.
Дорóгой онъ то распѣвалъ,
То шапку на лобъ надвигалъ,
Не то смотрѣлъ по сторонамъ,
Чтобъ не попасться къ колдунамъ:
Ужь скоро будетъ Элловой,
Жилище совъ, притонъ чертей.

Но вотъ ужъ онъ и бродъ минулъ,
Гдѣ бѣдный Чэпманъ⁴⁾ утонулъ.
А вотъ и двѣ сухія ели,
Гдѣ растянулся пьяный Черли;
А здѣсь, недѣли двѣ спустя,

⁴ Charman – мелочной торговецъ, коробейникъ.

Нашли убитое дитя;
А тутъ (недавно ужъ случилось)
У Мѣнга тетка утопилась;
А тамъ и Дунь ужъ засверкаль...
Вдругъ громче грохоть бури сталь.
Раскаты грома чаще, ближе,
И змѣи молній вьются ниже:
То сквозь березовыхъ вѣтвей
Явился страшный Элловей,
Сверкнувъ лучомъ изъ каждой щели...
Внутри скакали, выли, пѣли.

О, Джонъ-Ячменное-Зерно
Какъ ты отважно и сильно!
Мы съ водки такъ-то храбры станемъ,
Что чорту прямо въ харю взглянемъ!
А такъ-какъ Тэмъ все эль тянуль,
То чорта вѣрно вѣрно бѣ не струхнуль.
Вдругъ Мэгъ, – какъ вкопанная, стала:
Тэмъ ей кулакъ... она заржала,
И мчится прямо на огни.
Что жъ тамъ увидѣли они?
При блескѣ свѣчекъ и луны
Плясали черти, колдуны –
Да не французскія кадрили,
А просто – джигъ, горнпайпъ да рили...
На подоконникѣ въ прихожей
Сидѣль Ольдъ Никъ съ звѣриной рожей, –
Косматый пѣсь, – и съ ревомъ, свистомъ

(Онъ у чертей былъ бандуристомъ)
Давиль волынку, что есть силы:
Тряслись подгнившія стропилы...
У стѣнь стояли тамъ два гроба,
Окружены чертями оба;
А самъ мертвецъ, въ одеждѣ бѣлой,
Въ рукѣ холодно-посинѣлой
Держаль свѣчу... но еще то-ли
Увидѣль Тэмъ нашъ на престолѣ?
Тамъ, межъ преступниковъ казненныхъ
И двухъ младенцевъ некрещеныхъ,
Злодѣй зарѣзанный лежалъ
И, ротъ разинувъ, издыхаль...
Потомъ лежалъ палашъ кровавый,
Томагаукъ и ножикъ ржавый,
Которымъ – даже грѣхъ сказать –
Зарѣзалъ сынъ родную мать...
И видно, какъ къ кровавой стали
Сѣдые волосы пристали...
А тамъ – три трупа адвокатовъ,
Какъ платьѣ нищаго, въ заплацахъ,
И столько разныхъ харь и рожь,
Что имъ и риѣмъ-то не найдешь.

Нашъ Тэмъ, стоитъ полуживой,
А тамъ все громче свистъ и вой;
Реветь, трубить владыка Ада,
И черти пляшутъ до упада,
А съ ними старья ягѣ,

Кто безъ руки, кто безъ ноги,
Швырнувъ засаленныя шали.
Въ однихъ рубашкахъ танцовали.

Ну, Тэмь, скажи мнѣ Бога-ради,
Что если бь тамъ все были... дѣвы, –
Да не въ фланелевомъ тряпѣ,
А въ чистомъ, тоненькомъ бѣлье
Я прозакладывать готовъ
Все, что ты хочешь, что штановъ
Не пожалѣль стащить бы съ ляшекъ,
Чтобъ хоть взглянуть на этихъ пташекъ.

Но и ягѣ и колдуны
Такъ были дряблы и смѣшны,
И такъ вертѣлись на клюкахъ,
Чтобъ хоть кого бы прѣбнялъ страхъ.
Но Тэмь хитеръ: межъ гадкихъ рожей
Сейчасъ одну нашель моложе.
(Она была здѣсь въ первый разъ,
Хоть много сдѣлала проказъ
На взморѣ Кэррика. Глядишь,
То подгрызетъ ячмень, какъ мышъ,
То со двора бычка сведеть,
То лодку въ щепки разобьетъ.)
Ея худая рубашонка,
Какъ у трехлѣтняго ребенка,
Была и куца и толста –
Ну, изъ пайслейскаго холста.

Не знала то старушка Гренни,
Когда она для крошки Ненни
За шиллингъ (все ея добро!)
Холста купила въ Вильбó!

Здѣсь Муза, мы должны разстаться:
Тебѣ вѣдь вѣрно не удастся
Воспѣть, какъ нагло стала Ненни
Теперь а\вывертывать колѣни.

Нашъ Тэмъ стояль, какъ бы прикованъ,
Бѣсовской пляской очарованъ, –
Какъ вдругъ самъ мастеръ Сатана
Спрыгнувъ съ высокаго окна,
Такъ сталь кувыркаться, пострѣль,
Что Тэмми мой не утерпѣль,
И крикнулъ: «Славно, старый Никъ!»
Тутъ все потухло въ тотъ же мигъ,
И Мэгъ не сдѣлала и шага,
Какъ вся бѣсовская ватага
За ней пустилась. – Какъ порой
Летить, жужжа, пчелиный рой,
Какъ мышку котъ подстерегаетъ,
И, цапъ-царапъ! за носъ хватаетъ,
Или толпа бѣжитъ, какъ скоро
Заслышитъ крикъ: «держите вора!» –
Такъ Мэгъ пустилась, а за ней
Ватага лѣшихъ и чертей.

Ахъ, Тэмъ! ахъ, Тэмъ! попалъ въ бѣду –
Поджарить чортъ тебя въ аду!
И Кэтъ тебя ужъ не дождется –
Кэтъ вдовый чепчикъ шить придется.
Мчись, Мэгъ, пока не упадешь –
Ты счастье Шэнтера несешь!
Скорѣй на мость, не то такъ къ броду:
Чортъ не летаетъ черезъ воду⁵).
Или тебѣ твой хвостъ не милъ?
Но, ахъ! хвоста и слѣдъ простыль.
Опередивъ всю чертовщину,
Ей Ненни прыгнула на спину,

И ужъ у самага моста
У Мегги не было хвоста!..
Нашъ Тэмъ отъ страха чуть живой,
Пріѣхаль къ утру ужъ домой.
Но Мегги... ахъ, восплачемъ, Муза!
На вѣки сдѣлалась кургуза.

Ну, а теперь-то не пора ли
Намъ приступить ужъ и къ морали?
Кто любить лишнее хлебнуть,
Да къ куцымъ юбкамъ заглянуть –
Смотри, чтобъ съ нимъ того жъ не было,

⁵ Всякому извѣстно, что вѣдьмамъ и прочимъ злымъ духамъ запрещено преслѣдовать свою добычу по ту сторону первой встрѣтившейся рѣки. (*Примѣч. Борнса.*)

Что съ Тэмь. о'Шэнтровой кобылой.

В. Костомаровъ.